

Эмиль Верхарн

Стихотворения

Эмиль Верхарн

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22836795

Аннотация

«В равнинах Ужаса, на север обращенных,
Седой Пастух дождливых ноябрей
Трубит несчастье у сломанных дверей –
Свой клич к стадам давно похороненных...»

Содержание

Ужас	4
На север	5
Ноябрь	7
Декабрь	10
Человечество	12
Дерево	13
Город	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эмиль Верхарн

Стихотворения

Ужас

В равнинах Ужаса, на север обращенных,
Седой Пастух дождливых ноябрей
Трубит несчастье у сломанных дверей –
Свой клич к стадам давно похороненных.
Кошара из камней тоски моей былой
В полях моей страны, унылой и проклятой,
Где вьется ручеек, поросший бледной мятой,
Усталой, скучною, беззвучною струей.
И овцы черные с пурпурными крестами
Идут, послушные, и огненный баран,
Как скучные грехи, тоскливыми рядами.
Седой Пастух скликает ураган.
Какие молнии сплела мне нынче пряжа?
Мне жизнь глядит в глаза и пятится от страха.

1904

На север

С темными бурями споря
Возле утесистых стен.
Два моряка возвращались на север
Из Средиземного моря
С семьёю сирен.
Меркнул закат бледно-алый.
Плыли они, вдохновенны и горды...
Ветер попутный, сырой и усталый,
Гнал их в родные фиорды.
Там уж толпа в ожиданье
С берега молча глядела...
В море сквозь сумерки синие
Что-то горело, алело,
Сыпались белые розы
И извивались, как лозы,
Линии
Женского тела.
В бледном мерцанье тумана
Шел к ним корабль, как рог изобилья,
Вставший со дна океана.
Золото, пурпур и тело...
Море шумело...
Ширились белые крылья
Царственной пены...

И пели сирены,
Запутаны в снасти,
Об юге, о страсти...
Мерцали их лиры.
А сумерки были и тусклы и сыры.
Синели зубчатые стены.
Вкруг мачт обвивались сирены.
Как пламя, дрожали
Высокие груди...
Но в море глядевшие люди
Их не видали...
И мимо прошел торжествующий сон
Корабли, подобные лилиям, –
Потому что он не был похож
На старую ложь,
Которую с детства твердили им.

1904

Ноябрь

Большие дороги лучатся крестами
В бесконечность между лесами.
Большие дороги лучатся крестами длинными
В бесконечность между равнинами.
Большие дороги скрестились в излучины
В дали холодной, где ветер измученный,
Сыростью вея,
Ходит и плачет по голым аллеям.
Деревья, шатаясь, идут по равнинам,

В ветвях облетевших повис ураган.
Певучая вьюга гудит, как орган.
Деревья сплетаются в шествиях длинных,
На север уходят процессии их.
О, эти дни «Всех Святых»...
«Всех Мертвых»...
Вот он – Ноябрь – сидит у огня,
Грея худые и синие пальцы.
О, эти души, так ждавшие дня!
О, эти ветры-скитальцы!
Бьются о стены, кружат у огня,
С веток срывают убранство,
И улетают, звеня и стеля,
В мглу, в бесконечность, в пространство.

Деревья, мертвые, все в памяти слились.
Как звенья, в пенье, в вечном повторенье
Ряды имен жужжат в богослуженье.
Деревья в цепи длинные сплелись,
Кружатся, кружатся, верны заклятю.
Руки с мольбою во тьме поднялись.
О, эти ветви, простертые ввысь,
Бог весть к какому Распятию!
Вот он – Ноябрь – в дождливой одежде,
В страхе забился в углу у огня.
Робко глядит он, а в поле, как прежде,
Ветры, деревья, звеня и стена,
В сумраке тусклом, сыром и дождливом
Кружатся, вьются, несутся по нивам.
Ветры и деревья, мертвые, святые,
Кружатся и кружатся цепью безнадежною
В вечерах, подернутых серой мглою снежною.
Ветры и деревья... мертвые... святые...
И Ноябрь дрожащими руками
Зажигает лампу зимних вечеров.
И смягчить пытается слезами
Ровный ход безжалостных часов.
А в полях всё то же. Мгла все тяжелее...
Мертвые... деревья... ветер и туман.
И идут на север длинные аллеи,
И в ветвях безумных виснет ураган.
Серые дороги вдаль ушли крестами
В бесконечность тусклых, дремлющих полей.
Серые дороги и лучи аллей –

По полям... по скатам... вдаль... между лесами...

1904

Декабрь

(Гости)

«Откройте, люди, откройте двери,
Я бьюсь о крышу, стучусь в окно,
Откройте, люди, я ветер, ветер,
Одетый в платье сухих листьев».

«Входите, сударь, входите, ветер,
Для вас готовый всегда очаг;
Труба дымится, камин побелен,
Входите, ветер, входите к нам».

«Откройте, люди, я непогода,
Во вдовьем платье, в фате дождя.
Она сочится, она струится
Сквозь тускло-серый ночной туман».

«Входите смело, вдова, входите,
Ваш сине-бледный мы знаем лик.
Сырые стены и норы трещин
Всегда готовый для вас приют».

«Откройте, люди, замки, засовы,
Я выюга, люди, откройте мне,
Мой плащ клубится и платье рвется
Вдоль по дорогам седой зимы».

«Входите, выюга, царица снега,
Просыпьте лилий своих цветы
По всей лачуге, вплоть до камина,

Где в красном пепле живет огонь».
 Мы беспокойны, мы любим север,
 Мы люди диких, пустынных стран,
 Входите, ветры и непогоды,
 За все невзгоды мы любим вас.

1905

Человечество

О, вечера, распяты на склонах небосклона,
Над алым зеркалом дымящихся болот...
Их язв страстная кровь среди стоячих вод
Сочится каплями во тьму земного лона.
О, вечера, распяты над зеркалом болот...
О пастыри равнин! Зачем во мгле вечерней
Вы кличете стада на светлый водопой?
Уж в небо смерть взошла тяжелою стопой...
Вот... в свитках пламени... в венце багряных терний
Голгофы – черные над черною землей!..
Вот вечера, распяты над черными крестами,
Туда несите месть, отчаянье и гнет...
Прошла пора надежд... Источник чистых вод
Уже кровавится червонными струями...
Уж вечера распяты закрыли небосвод...

1905

Дерево

Одинокое, –
Лето ль баюкает, треплют ли зимы,
Иней ли ствол серебрит, иль зеленеет листва,
Вечно – сквозь долгие дни гнева и нежности –
Оно налагает свое бытие на равнины.
Сотни и сотни лет видеть всё те же поля,
Те же пашни и те же посевы.
Ныне умершие очи –
Очи отдаленнейших предков
Видели,
Как петля за петлей заплеталась кольчуга
Крепкой коры и сильные ветви,
Мирно и мощно царило оно над работами дня,
Ложе из мха в косматых ногах раскрывая
В полдень усталым жнецам,
И сладок был сумрак его
Детям, любившимся здесь –
Некогда.
Ранним утром по нем в деревнях
Определяют погоду:
Оно причастно тайнам клубящихся туч
И солнц, на заре замутненных.
Оно – образ былого на страже осиротелых полей,
Но как бы глубоко проедена плоть ни была его

Памятью, –
Только январь склоняться начнет
И соки в старом стволе забулбят, –
Всеми ветвями своими и завязью почек –
Руки и губы его! –
Оно, напрягаясь в едином порыве, кидает свой крик
В будущее...
Нитями вешних лучей и дождей закрепляет
Нежные ткани листов, напрягает узлы,
Ветви свои расправляет,
Выше к небу подымает чело,
Так далеко простирает жадные корни,
Что истощает болото и пашни соседние,
И порой
Вдруг остановится-само пораженное
Яростью этой работы немой и глубокой.
Но чтоб расцвести и царить во всей полноте
своей силы,
Выдержать сколько борьбы приходилось зимою:
Ветра ножи, проникавшие в тело,
Толчки ураганов и бешенство бури,
Иней, как острый напильник,
Ненависть дробного града и снежной метели,
Мертвый мороз, проникавший
Белым зубом до самых глубинных волокон, –
Всё было вязким страданьем и болью звенящей.
Но оно никогда и ни разу
Не отказалось от воли к расцвету,
Более полному, более пышному

Каждой новой весной.
В октябре, когда золото блещет в листве его,
Часто шаги мои, тяжело-усталые,
Но всё же широкие, я направлял в богомолье
К этому дереву, пронзенному ветром и осенью.
Как исполинский костер листьев и пламени,
Оно подымалось спокойно в синее небо –
Всё напоенное миллионами душ,
Певших в дуплистых ветвях.
Шел я к нему с глазами, повитыми светом,
Трогал руками его и чувствовал ясно,
Как движутся корни его под землей –
Нечеловечески мощным движеньем.
Я грубою грудью своей к стволу приникал
С такою любовью и страстью,
Что строим глубоким его и целостной мощью
Сам проникался до самого сердца.
Смешан и слит с глубокой и полной жизнью,
Я прилеплялся к нему, как ветвь среди ветвей,
Глубже любя эту землю, леса и ручьи –
Это великое голое поле с клубящимся небом.
Жребий не страшен, и руки
Жаждают пространство обнять,
Мускулы тело легчат,
И кричал я: «Сила – свята!
Надо, чтоб сам человек метил печатью ее
Дерзкие планы свои – грубо и страстно.
Рая ключарница – ей право выламывать двери».
Ствол узлистый без памяти я целовал...

Когда же вечер спускался с небес,
Я терялся в мертвых полях,
Шел неизвестно куда, прямо вперед, пред собой,
С криком, бьющим со дна сумасшедшего сердца.

23 ноября 1916

Город

Все пути в город ведут...

Там

Из тумана и дыма,

Громоздя над ярусом ярус,

Точно со дна сновидений,

Город встает.

Там

Мосты, из стали сплетенные, кинуты

Прыжками сквозь воздух.

Глыбы камня, пилястры, колонны

Возносят лики Горгоны;

Предместья дыбятся башнями,

Трубы, и вышки, и шпили –

В ломаных взлетах над крышами...

Это Город-спрут

Дыбом взметнулся

В глубине равнины над пашнями.

Там

Красные цветы

Вздеты

На столбы и высокие мачты, –

Светятся даже в полдень,

Подобно чудовищным яйцам.

Солнца не видно –

Света исток затянут

Углем и дымом.

Там

Реки из нефти и олова

Бьют о камни и сваи.

Резкие свисты проходящих судов

От страха воют в тумане;

Зеленый сигнал – их взгляд

В океан, в пространство.

Там

На набережных гулко звенят, сталкиваясь, вагоны,

Лязгают цепи, краны скрипят, дребезжат фургоны,

Тяжко весы роняют темные кубы,

Тюки по трапам скользят в огненные подполья,

Спины мостов разверзаются посередине,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.